

до самовираження, надає абсолютні можливості позбутися від численних реальних соціальних ролей, і бути ким завгодно. Формуванням свого бажаного образу в цьому середовищі займаються практично всі, причому цей процес є перманентним, з тієї причини, що в сучасній культурі досконалі зразки і моделі, виступаючи для індивіда як орієнтири, безперервно руйнуються і не можуть бути скільки-небудь стійкими. Театралізація, як поширена модель поведінки в комп'ютерній соціальній мережі, має виражений негативний ефект: існує загроза формування полімерного суб'єкта, ознакою якого є синдром множинної персональності у повсякденному житті. Наслідком анонімності учасників електронного співтовариства нерідко є безвідповідальність і безкарність, коли користувач проявляє велику свободу висловлювань, передає недостовірну інформацію, провокує, ображає, вводить в оману співрозмовника, аж до вчинення злочинних дій мережевого переслідування і погроз.

*Дольская О.А.  
г. Харьков, Украина*

## **НУЖДАЕТСЯ ЛИ СОВЕСТЬ В МЕТАФОРЕ ГОЛОСА?**

Сегодня актуализируются мысли об ответственности, поступке, отношении к Другому. Формируется новое понимание духовности. В комплексе она отождествляется с гармонией и миролюбием, которые расцениваются как главные условия моего существования и существования Другого, принятия его способа жизни, взглядов, культуры. В контексте такого понимания духовности появляется необходимость в анализе таких философских категорий, как «ответственность», «дар», «прощение», «извинение», «слово», «между нами», «другой», «совесть».

По нашему мнению, особенную ценность и одновременно дефицит приобретают категории «совесть» и «слово». Для меня они находятся в онтологическо-онтической зависимости. Я попытаюсь это обосновать. Слово сегодня не имеет внутренней меры. Оно выступает как вес, которым, как на рынке, пытаются обвесить. Но если на рынке есть контрольные весы, то где найти контрольные весы для слов повседневного языка?

Рядом с категорией «слово» разворачивается дискурс категории «совесть». Слово связано с совестью, оба понятия влияют друг на друга: мы часто говорим «совесть молчит». Иногда я думаю, почему люди пытаются объяснить совесть, прибегая к метафоре голоса, слова? Здесь так и хочется привести пример восточной буддийской традиции о молчании Будды, когда человек задает ему сложные метафизические вопросы. Размышления о метафоре голоса в контексте молчания Будды обогащаются размышлениями о

человеке к себе самому и к Другому. Его молчание расценивается как речь. Предполагается, что Будда не отвечает на глубинные вопросы, поскольку вопросы поставлены неправильно (допускается и как некорректно поставленные). Есть и второй вариант: знает, но не хочет отвечать. И в первом, и во втором случае его молчание воспринимается как речь без слов.

Эта позиция Будды подталкивает нас к интеллектуальному багажу, к движению интеллектуальной культуры, к ее развитию. Формируется особое интеллектуальное пространство, которое создает именно Будда. В этом пространстве Будда своим молчанием как бы вытаскивает из нас ядовитую стрелу вопроса. Зачем он это делает? Чтобы ты не погиб, не погиб от яда, который может растекаться по тебе. Ответы Будды блокируют действие яда и направляют человека к его настоящему состоянию – состоянию человека. Если человек несет в себе элементы ядовитости, вранья, подлости, с ним достаточно сложно связывать понятие «духовности». Если этот носитель все же говорит о духовности, то его позиция расценивается как лицемерие. Будда пытается вернуть его в состояние человечности.

Если бы мы взяли термин М. Хайдеггера, то это состояние конкретизируется термином – «тут и сейчас». В какой-то степени это молчание о трансценденции. Будда использует молчаливое слово. Это инструмент для перетаскивания человека из онтологического в этическое. Будда в таком состоянии – это ворота, которые позволяют избежать ловушки онтологического и этического характера.

Как метафора громкого молчания реализуется в категории «совесть»? Это вопрос, который актуализирует дискурс ответственности и духовности. Совесть активизирует диалектику Того и Другого. В этой метафоре одновременно встречаются внутреннее Я и Я более высокое, чем простое Я. У Платона и Аристотеля душа говорит сама с собой, выстраивается горизонтальный план онтологического пространства совести. У Гегеля совесть представлена как такая, которая действует и которая судит. Он противопоставляет их. Это два онтологических начала, из которых в дискурс совести вплетается феномен «извинения», который признает ограниченность своей точки зрения и частично от них отказывается. Именно извинение определяет и характеризует феномен совести. Для Гегеля интересны также понятия «чистая» и «нечистая», «шаткая» совесть. Он достаточно жестко подходит к анализу этих понятий, в какой-то степени даже критикуя универсализацию этики Канта. По Гегелю, мир мобилизуется моралью. Поэтому позиция совести, при которой она не годится для общения с Другим, сводится к избеганию противоречий, которые маскируются постулатами моральности или попытками избежать Другого. Мораль может оказаться на границе падения во зло. Моральность и зло имеют общий корень в уверенности самотождественного.

А в «Приложениях» к «Философии права» выводится определение совести. «Совесть есть святое, неприкосновенное в человеке, она есть чистая уверенность в самом себе, свобода как предикат, она есть в себе и для себя сущее, ничто гетерогенное в нее не привносится, совесть неприкосновенна в отношении того, что есть добро, она есть знание добра» [1, с. 421]. Совесть, по Гегелю, одинока. И несмотря на ее одиночество, Гегель как бы заложил фундамент для вопрошания об этом одиночестве. Начиная размышления о совести, Гегель связывал ее с контекстом морали, а мораль упиралась в религию. Удивительным в его размышлениях был вывод: придет время, когда необходимость в совести отпадет.

И все же возникала необходимость задать вопрос об одиночестве совести, что и сделали философы следующего столетия. В начале XX века размышления о совести активизируются, в ее понимании происходит наложение этического и онтологического. Во втором разделе «Бытие и время» М. Хайдеггер писал: «свидетельством автентичной способности быть дается совестью», а сама она проявляется тогда, когда есть оклик. Совесть не характеризуется способностью различения добра и зла, она по ту сторон от них. Но чтобы совесть проявлялась «тут и сейчас» необходимо признать определенную этическую силу за окликом – молчаливым окликом. Возникает вопрос, а кто же окликает, да еще и молча? Окликает Dasein. У М. Хайдеггера две категории, которые взаимодействуют, определяя тем самым онтологический дискурс: Sein (Бытие) и Dasein (Бытие-тут). Так вот, для того, чтобы Бытие развернулось в Бытие-тут необходимо признать определенную первичную этическую силу за окликом. В совести Dasein (Бытие-тут) окликает самого себя. Оклик происходит от меня самого, но все же он перерастает меня. Это свидетельство взращивания вертикали совести: аффект совести вызывает другой голос. Линия выстраивается по точкам: тот, кто зовет, и сам Я, которого окликают. Эта вертикальность формирует загадку совести и напоминает нам о попытке Будды уберечь человека от яда вопроса. У Хайдеггера язык – дом Бытия. Существо человека покоится в языке, в голосе. Он критикует современный язык, так как он отличается формализмом, выступает в прикладной роли – поставлять информацию. Чтобы обрести подлинный язык и оказаться вблизи Бытия, человек должен научиться вслушиваться в язык. Не тождественна ли попытка обучения вслушиванию в тайны бытия тайне «громкого молчания» Будды? Мне кажется, что параллели очевидны. В конце XX века раскрываются новые горизонты, появляются новые работы над понятием «совесть». Последнее слово о ней еще не сказано, до конца оно еще не раскрыто. Но события начала XXI в. заставляют нас задуматься о значениях и смыслах этих слов в нашей жизни.

**Список літератури:** 1. Гегель Г.В.Ф. Приложение (новые источники по «Философия права») / Г.В.Ф. Гегель. Пер. с нем. авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М. : Мысль, 1990. – С. 379–484. 2. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер / пер. с нем. В.В. Бибихина. – М. : ad MArginem, 1997. – XI +452 с.

*Єрахторіна О.М.  
м. Харків, Україна*

## **ДУХОВНО-МОРАЛЬНИЙ РОЗВИТОК ОСОБИСТОСТІ І ЇЇ ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ В СУЧАСНИХ УМОВАХ**

Останні десятиріччя ХХ століття – перші десятиріччя ХХІ століття характеризуються значною трансформацією соціокультурної реальності. Інформація стає стратегічним ресурсом, науково-технічний прогрес продовжує об'єднувати людство у єдиний організм існування планетарного масштабу, що викликає близьке зіткнення різних цивілізацій, культур, релігій, породжує змагання між ними, боротьбу за власні пріоритети, пропагування певних цінностей і досягнень. Таким чином, етап становлення високотехнологічного суспільства відкрив нову епоху розвитку людства. Зараз на фоні бурхливого розвитку науки і техніки спостерігається, з одного боку, світова криза майже у всіх сферах життєдіяльності людства, з іншого – ускладнення суспільних відносин та міжособистісних стосунків, коли стрімкішими темпами зростає залежність середовища існування людини від її діяльності, все відчутнішим стає протистояння людини природі, прагнення розділити людські і природні процеси розвитку, розриваючи свій органічний зв'язок зі Всесвітом.

У сьогоденному вихорі подій саме особистість все частіше виступає центральною ланкою розвитку і трансформації суспільства, а притаманні їй світогляд, культура, воля, соціальна активність, її самовдосконалення, рівень якого характеризується мірою реалізованих нею потенційних здібностей і можливостей в реальних життєвих ситуаціях, визначають її майбутнє. Людина кінця ХХ – початку ХХІ сторіччя, на думку Дж. Сороса, перетворюється у «центр прибутку», для якого інших цінностей не існує, а на фоні загальної монетарної революції – у «людину-гроші» [6]. О.І. Субетто вважає, що така зміна людини символізує перетворення її у «капіталокіборга», «капіталоробота» і означає «грошову», чи «монетарну», її загибель [5, с. 117]. При цьому, однак, відповідальність особистості зросла незмірно, оскільки науково-технічний прогрес набув надзвичайно швидких обертів, надавши людству неабиякий технічний і техногенний потенціал. При цьому відсутні ті духовно-